

Путь к родным истокам

В Международном детско-юношеском литературном конкурсе им. Ивана Шмелёва «Лето Господне», учрежденном в 2014 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, участвуют школьники 6—12 классов общеобразовательных и православных школ, гимназий и колледжей России, стран СНГ и Зарубежья, а также воспитанники воскресных школ и учреждений дополнительного образования.

Сегодня победители конкурса 2017—2018 годов — гости журнала «Дружба народов».

Ульяна Бойчевская (г.Тобольск, 9-й класс)

Невыносимый смертный час

Победи себя и станешь непобедим.

А.Суворов

Соня проснулась в камере предварительного заключения. Со стен стекала неприятно пахнущая вода. В ушах что-то звенело. Вспомнились курсы разведчиков, стрельба, взрывы, бег по окопам, которые не оставляли ничего живого. Вражеский тыл. Надпись на воротах концентрационного лагеря «Arbeit macht frei» («Труд делает свободным»).

Первая ночь в бараке на нарах. Соню бил сильный озноб. Помогала только лежащая рядом женщина, которая горела от высокой температуры, согревала, как печь. Сонечка провалилась в сон, но очнувшись от холода поняла, что ее спасительница отошла в мир иной.

Номер на руке, который так больно накалывали. Очереди из тощих, измученных людей якобы в баню, но ни для кого не было секретом, что это газовая камера. Фашисты издевались, выдавали мыло. Вспомнила, как спасали мальчика, которого вместе с матерью должны были отправить на страшную мойку. Они передавали его друг другу, запрещали плакать, когда он видел удаляющуюся мать с блестящими от слез глазами.

Удивлялась... Как в почти не имеющих человеческого облика заключенных, измученных работой, которая на самом деле не дает никакой свободы, остались все человеческие чувства. Память и тело не дают забыть тачку с камнями, напоминающими фашистское сердце, которую с каждым днем было все труднее поднимать. Угрожающий

лай собак, когда привозили новую партию заключенных. Противные возгласы: «Schneller! Schneller!» («Быстрее! Быстрее!»).

Были и те, кто не мог больше терпеть издевательств. Они бросались на колючую проволоку, по которой проходил электрический ток, пораженные падали на землю. Но не смотря на весь ужас происходящего, Соне хотелось жить. И даже ту капсулу ее крепкого разведческого прошлого, которая была вшита в белье, она не решилась проглотить. Хотя и знала, что сдаваться в плен было нельзя. Вспомнила, как их гнали в Германию. Советская армия наступала. Кто мог идти — шел, а кто не мог... того расстреливали в упор. Фашисты торопились, им не хотелось встречаться с нашими войсками. Ночью Соне удалось спрятаться в сене. Утром нацисты зашли в сарай, потыкали в сено прикладами и погнали заключенных дальше из Освенцима. Сонечке опять повезло, видно, сильно молилась о ней мать на далекой Родине.

Пожилая полька, вошедшая утром в сарай, оказалась доброй и верующей: «Matka Boza!» («Матерь Божья!»), — закричала она при виде скелетообразной Сони с налысо постриженной головой. Старушка накормила ее и напоила парным молоком. Так и дождались прихода советских войск. Услышав русскую речь солдат, Соня бежала, целовала их пыльные сапоги и плакала от счастья.

И вот теперь она здесь, в тесной камере. Снова капает вода, только уже не со стен, а бежит по щекам. Она — «враг народа», так сказал ей военный следователь. Теперь ей не хочется жить. Она закрыла уставшие глаза и погрузилась в мрачную пустоту. И вдруг в эту пустоту светлым лучом проникло давнее прошлое.

Строгая мама, отец с чувством мужского долга и достоинства. Старинный дом, напоминающий детскую сказку. Антикварный рояль. Когда мама играла, из-под ее пальцев выскакивали пестрые нотки мажорных мелодий, а порой наоборот — выплывали минорные тональности. Икона на стене, журналы с буквой «ять», потускневшие фотографии Царя и Царицы. Рассказы о Царской семье, которые записывались от руки маминым каллиграфическим почерком, передавались из рук в руки.

Прямо перед глазами появилась любимая из них — Ольга. Ее внимательный, умный взгляд. Ее добрые, чистые глаза. Прямая осанка и тонкая улыбка. Вспомнились ее любимые стихи «Молитва»:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину бурных мрачных дней
Сносить народное гонение
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения
Когда ограбят нас враги,

Терпеть позор и оскорбление,
Христос Спаситель, помоги,

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас...
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться кротко за врагов...

Соня выжила. Все одиннадцать лет, проведенные в Казахстане, в Карагандинском женском лагере, несмотря на унылую степь, на унижения, на разлуку с родными, на то, что рядом были разные люди (но добрых и отзывчивых оказалось больше), образ Ольги незримо присутствовал с ней в самые трудные минуты жизни. А в сердце звучала «Молитва».

Эту историю рассказала мне бабушка, а храбрая девушка Соня — она сама. Конечно, не сразу прошли годы. Но молитвами своей небесной покровительницы и старенькой мамы, что ждала ее в родном городе под Москвой, Господь и Соне даровал силы «молиться кротко за врагов».

В начале было Слово...

Владыке Димитрию посвящается

Витька долго бежал по железнодорожной насыпи. Одни камни укатывались из-под ног, другие попадали в широкие ботинки. Он бежал, пока не услышал стук приближающихся колес, но хотя устал и дыхание было на исходе, не мог остановиться. Он услышал крик:

— Поезд! Прыгай!

Витька свалился вниз, ударился обо что-то твердое головой и уже не видел, как к нему подбежал мужчина в оранжевой безрукавке:

— Скорее! Скорее! — кричал рабочий. Это были последние слова, которые услышал Витя...

Очнулся он в чужой комнате. Диван был мягкий, подушка пахла чем-то свежим и приятным, в комнате было тепло, но не душно, в голове у него пронеслась вся его маленькая жизнь. Детский приют, шлепки за игры в догонялки, за просьбу положить добавки и даже за молчание. Вспомнились постоянное желание есть и добрые глаза старой нянечки, которая по вечерам, в свое дежурство, тайком приносила ему сахарное печенье.

Всем хотелось называть кого-то мамой. И обычно так ласково и просто называли воспитателей. А Витьке хотелось называть так нянечку, но он не посмел...

После был интернат. Серый, унылый, скучный, а порой и жестокий. Уже в нем Витя узнал о существовании отца, который отбывал срок в тюрьме, но это не произвело на него большого впечатления. Витька больше думал о матери. Она представлялась ему красивой, нежной, доброй. Но Серёга, который был старше его и прошел «школу жизни» на вокзалах, сказал:

— Хорошая мать дитя не бросит.

Витьке стало обидно, он проплакал всю ночь, понимая, что в словах друга есть часть правды, и больше уже ни с кем не делился своими мечтами о матери. Но и на Серёгу не обижался, ведь и не за что... Витька был «щенок», так назывались приютские, а Серёга — «батёк», но он не зазнавался и не давал Витю в обиду. Пока они жили в интернате и их койки стояли рядом, жизнь казалась вполне сносной.

Однажды Витьке сказали, что приехал его отец. Он обрадовался, но не отцу, а надежде узнать что-то о матери. Отец пришел худой, изможденный, с неряшливой щетиной и наколками, принес сок и печенье. Они вышли за ограду интерната и сели на скамью из хрустящего, ломкого дерева. Отец достал сигареты и спросил Витьку: «Будешь?». Сын покачал головой. Подумав, отец закурил.

Витя даже не помнит, что тот говорил ему. Вроде про то, что вот найдет работу, купит жилье и заберет его. А Витька все думал: «Как спросить про мать?» Но отец сам сказал:

— Мать-то совсем спилась...

— Где она?

— Да под горой живет.

— Отвези меня к ней, — с блеском в глазах попросил Витька.

— Зачем? — удивился отец. — Что тебе там делать? Бутылки считать?

Но все же согласился. Всю дорогу Витя представлял себе встречу с той самой, кого сможет назвать мамой.

Вот они вошли в дом. Бутылок и правда было много. Назвать домом то, куда его привел отец, было невозможно, только трущобой или развалюхой. Выбитые окна были заткнуты грязным тряпьем. Он приготовился увидеть ее пьяную, некрасивую, с

дурным запахом, но родную. Обнять ее, прижаться и почувствовать до боли знакомое тепло. Но матери дома не оказалось...

Витька заплакал...

— Чего реवेशь? — спросил отец.

И рассказал, что мать родила Витьку после того, как его посадили, в пьяном угаре. И чтобы всякая мелочь не мешала ей жить — выбросила ребенка в окошко. Его подобрала соседка и отдала в детский приют.

Витя не обиделся, не ужаснулся, ему еще больше стало жаль мать. А потом отца снова посадили... Но бедный мальчик даже и не допускал в мыслях счастливой жизни рядом с таким отцом, ведь каждое его слово казалось ему пустотой.

Витя снова вернулся в интернат, и его безрадостное существование продолжалось, но недолго. За Серёгой приехал старший брат, и на тихого, немногословного Витьку обрушилась «батьковская» потеха. Ему лили воду в кровать, обзывали. А когда стали выбрасывать одежду, стало невыносимо тошно, и он решил сбежать....

Воспоминание прервала скрипнувшая дверь, вошедшая женщина увидела, что Витька открыл глаза, и обрадовалась. Потом его куда-то повезли, но он был так слаб, что даже от запаха еды тошнило и все время хотелось спать. Ему было все равно, куда ехать, только не в интернат. Хоть на свалку, хоть ту развалюху, где жила мать, только не обратно к шлепкам, холодной воде в кровати и голоду.

Его привели к большому зданию, похожему на старинный замок. Оно было светлое с огромными крестами на макушках золотых, сияющих куполов. Там был приятный полумрак, и пахло чем-то сладким, он сразу вспомнил нянькино печенье, звучало красивое и успокаивающее душу пение. Витьку куда-то посадили, и он провалился то ли в сон, то ли в беспамятство. Очнувшись он от яркого света. Чей-то громкий голос торжественно произнес:

— В начале было Слово!

Говорилось что-то еще, но Витька от слабости закрыл глаза. Он уже не спал, а думал: «Как это — слово?» И вдруг вспомнились глаза седой няни, нежные, добрые, полные любви. Он пытался вспомнить ее слова, но не мог... Да и были ли они? И вспоминая ее, думал: «Нужны ли вообще эти слова? Поучительные, строгие, ругательные, равнодушные, даже гадкие?». Ведь без всяких слов он мог чувствовать любовь к матери, которую никогда не видел. Даже к Серёге!

В начале у него была серая, голодная жизнь, слова звучащие, но ничего для него не значащие. Теперь началась другая жизнь. Его подвели к необыкновенно одетому человеку и велели поцеловать ему руку, но Вите не хотелось. И вдруг он ощутил на своей голове эту руку. Теплую, ласкающую, и... заплакал.

— Это Владыка, — сказали ему.

Витька поднял голову и увидел добрые глаза, нежно глядящие на него. И уже ничего не видя от слез, прижался к нему всем своим худым тельцем.

Потом была учеба в православной гимназии. Житье-бытье с такими же, как он, мальчишками. И был Храм. Весь в золоте и росписях, похожий на сказочный корабль. И Владыка с добрыми глазами. И много разных слов, но он вскоре понял, что не все они настоящие, потому что уже знал продолжение Евангелия:

«...И Слово было у Бога. И Слово было — Бог!»

Ксения Цыцына (г. Нижний Новгород, 9-й класс)

Путь к родным истокам

Русь Святая! Храни веру православную,
в ней же тебе утверждение.

*Стихира Недели Всех Святых,
в земле российской просиявших*

Лето! Я покидаю Нижний Новгород и отдыхаю на Рязанщине, в селе с необычным названием Мышца. Счастливейшие дни! У меня есть прекрасная лошадь, арабский скакун по кличке Гвадиана. Она изящная, темно-коричневого окраса, с длинным роскошным хвостом, быстрая, как стрела. Рано утром я люблю мчаться на ней галопом по росе ромашкового поля, вдыхать свежий воздух, запах трав, леса и теплой сырости. В эти моменты я лечу, как птица, и нет забот. Блаженство, восторг, свобода-а-а! Мне нравится просыпаться под звуки пения птиц, мычания коров, а засыпать, выпив кружку парного молока. Это закон для всех детей!

А как у нас весело, ни за что не соскучишься! Захожу на скотный двор. Свинья Матрёна, недавно лишившаяся всех своих поросят, долго не понимала, куда ей направить нерастрченную любовь. И надо же! Наконец нашла: объектом ее нежности явился наш теленок Моцарт. Ежедневно Матрёна, такая огромная, упитанная, стояла на задних копытах и тщательно вылизывала Моцарта. Этих «влюбленных» еще долго не могли потом разлучить. А старая коза Земфира родила своего последнего козленка мертвым и очень горевала, даже замкнулась как-то. В это же время одна из овец «невзлюбила» одного ягненка, била и толкала его. И — о, чудо! К этому подкидышу тихонько подошла коза Земфира и «усыновила» его, выкормила и «воспитала», как родного!

Мышца стала для меня родным местом. Вот уже десять лет, как мой папа Николай — фермер в этом селе. Он любит свое дело, папа в нашей семье — главный экспериментатор. Недавно даже брынзу с другими сырами стали производить. На ферме трудятся доярки, пастухи, трактористы, производственники молочной продукции. Каждый из них занят своим любимым делом. Недавно папа выкупил два поля с заливными лугами на берегу Оки. Теперь мы с братьями ждем-не дождемся, когда вместе поедем на сенокос.

Как-то вечером, уютно устроившись вдвоем с папой у камина в нашей деревенской усадьбе, я спросила, почему именно здесь, в рязанской глуши, открыл он свое хозяйство. В ответ папа привел мне слова Д.С.Лихачёва: «Запомни, дочка! Не здание даже нужно человеку, а здание в определенном месте. Я давно хотел рассказать тебе мою историю, вот и случай представился!» Я, затаив дыхание, приготовилась слушать. Рассказ свой папа начал неожиданно. Он дал мне в руки старинную фотографию и сказал, что именно с нее и начался его путь к родным истокам.

«Десять лет назад все в моей жизни, дочка, было по-другому, — сказал задумчиво папа. — Тогда я особенно и не задумывался о том деле, которым занимался в Нижнем. Бизнес, командировки, переговоры, совещания, высокий доход. По современным меркам, я был успешным человеком». — Папа подбросил дров в камин. От теплого света огня фотография в моих руках как будто ожила: на меня весело смотрели девушка и парень, молодые и красивые. По иконкам в их руках и церкви на заднем фоне можно было догадаться, что они молодожены, а фотография сделана в день их венчания. На обратной стороне была надпись: «Алёшины, Мышца, 1909 г.». Это были прадедушка и прабабушка моего папы, Дмитрий и Евдокия Алёшины, о которых он ничего не знал, и на Мышце прежде никогда не бывал.

Я продолжаю рассказ моего папы.

— Неужто я Иван, не помнящий родства? — с такой мыслью папа в ближайший погожий день, прихватив с собой старый семейный снимок, помчался на Рязанщину разыскивать село со странным названием Мышца. Когда-то, прочитав папа, в Мышце была церковь в честь Николы Чудотворца с пределом в честь святого Димитрия Солунского, в составе прихода числилось 2249 душ, мужских и женских. И папа отправился искать это село с этой церковью. Из окна автомобиля он с интересом оглядывал рязанские окрестности. С одной стороны ему открывалась красота и величие русской природы. С другой стороны бескрайние поля пахотной земли заросли березками, вокруг мелькали покосившиеся избы с разбитыми окнами. В разрушенных зданиях колхозных ферм не видно ни коров, ни лошадей — пустота... Все колодцы-«журавли» заросли, заилились.

Добравшись наконец до родного села, папа стал искать жителей, стучаться в старые дома. Никого... Он попытался найти большой красивый храм, что был на старой семейной фотографии, а нашел только остатки фундамента. Горько, нелепо, до слез обидно... С такими думами присел папа на большой валун, оставшийся от разрушенного храма. Рядом был старый погост. «Может, хоть могилы прабабушки и прадедушки смогу найти здесь и поклониться им?» — раздумывал он, глядя на старую венчальную фотографию.

«Ангел храма тоже плачет от этой разрухи», — сказал неожиданно вышедший на поляну из-за деревьев старик. «Ты, сынок, чей будешь? Местный аль заезжий?» — с интересом спросил дед, опираясь на палку. Встретить здесь живую душу было и радостно и неожиданно. Поздоровавшись со старичком, папа спросил, не слыхал ли он про Алёшиных, его родных, и фотокарточку показал. Долго старик рассматривал фотографию, но все же признал наших родных: «Хорошие они были люди, крепкие. Дед Дмитрий, тот конюхом в колхозе был, тракторов-то ведь до войны не было еще. Землю сами вот этими руками пахали. А тетка Евдокия на пекарне хлеб стряпала на всю деревню. Эх, и вкусный был хлеб, такого уж нам не попробовать!»

— Так, значит, и пекарня своя, и конюшня, и колхоз здесь был, и храм действовал? — задумчиво спросил папа.

— Что ты, сынок, а работали как все! Спозаранку все колхозное упрямишь, а уж потом у себя в избе. А тут у каждого по пять-десять ребятешек, хозяйство свое: корова, телка, овцы, козы, утки... Травы-то, бывало, нигде на полях не найдешь, в лесу все выкашивали на многие километры. А твои-то, Алёшины, я слыхал, и при царе еще крепкое хозяйство имели, батраков нанимали, недаром тетку Евдокию еще все барынькой у нас потом звали. Да раскулачили их, конечно. Трудились, как все, усердно, в почете даже были.

Колокольный звон на всю округу раздавался, мальчишкой я еще тогда был. Да... Разрушили храм, сожгли ... нашлись охальники! Но правильно в народе говорят: «Бог долго терпит, да больно бьет!» И года не прошло — все разрушители заживо сгорели в пьяном угаре. Пойдем, я покажу могилы ваши, ухаживаю потихоньку, одишечек остался я. Уныло доживаю свои деньки, — окончил свой рассказ старик.

Дедушка ушел, и папа остался один на старом погосте возле разрушенного храма, где когда-то венчались его предки. Удивительно, но в тот момент он почувствовал рядом с собой невыразимое тепло и благодать, как-будто ангел укрыл его своим крылом. Ведь православное предание гласит, что ангел-хранитель дается не только каждому человеку при крещении, но и каждому храму. Ангел, говорят, ликует, когда народ молится в храме, он же горько плачет, если храм разрушается. Считается, что даже на пепелище ангел храма не может покинуть свой дом и молит Бога о возрождении храма.

И папа признался мне, что у него есть мечта — восстановить наш храм! Даст Господь, и исполнится задуманное, ибо сказано в Евангелии: «Просите, и дастся вам, ищите и обрящете...» Но для этого надо усердно работать и молиться! Мне верится, что по милости Божией и по молитвам ангела-хранителя храма «прикосновение» к родным местам положило начало перерождению души дорогого мне человека и возрождению заброшенного уголка рязанской земли!

После той поездки папа выкупил родную землю, построил ферму, дал работу многим местным жителям. Приезжайте к нам в гости, и вы воочию все увидите! Сергей Есенин точно про наш рязанский уголок когда-то написал:

Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.
Снова в рощах непасёных
Неизбывные стада,
И струится с гор зелёных
Златоструйная вода.

Сейчас наша семья живет и в Нижнем Новгороде, и на Рязанщине. Тот «переворот» в жизни нашего папы — главы семьи — отразился и на всех нас. Мы с братом закончили воскресную школу и сейчас поем на клиросе в храме Владимирской иконы Божией Матери! Невозможно описать тех чувств, которые испытываешь, славя Господа на Воскресной Литургии!

Моя мама мечтает, чтобы я поступила в регентскую школу при Московской Духовной академии, «под Покров Преподобного Сергия Радонежского!» — говорит она. Я же пока не определилась в своем жизненном пути, но знаю точно, что на примере моих родителей своим трудом буду стараться приносить пользу людям. Есть у меня и увлечение — интерес к русской культуре, быту крестьянских людей. Настоящим открытием стала для меня книга Василия Белова «Лад»! Я узнала, что быт и труд крестьянина был налажен годовому богослужебному кругу. Говаривали, например, что «ежели Евдокия (14 марта) напоит курицу, то Никола (22 мая) накормит корову». Отдыхая, крестьянин всего лишь «переводил дыхание», менял тяжелый труд хлебопашца на более легкий, ремесленный: плотничал, копал колодцы, был печником, гончаром, каталем (изготавливал валенки)... словом, был «и швец, и жнец, и на дуде игрец»!

Прочитанную народную мудрость я стараюсь подсказать и папе. Например, по примете, сев надо успеть до момента, когда сквозь крону березы еще проходят лучи солнца. Если же, стоя под деревом, смотришь на небо, уже не щурясь, то продолжать сев бесполезно. Папа прислушивается, вот и ладно!

В своем сочинении я постаралась показать, как важно нам знать свои «истоки», русскую культуру, никогда не забывать, что Россия всегда была и должна оставаться аграрной страной! Любить землю русскую — это все равно, что любить свою маму! Без нее или вдали от нее человек не может быть по-настоящему счастлив! И я думаю, если бы в каждой нашей семье нашелся такой же добрый и трудолюбивый человек, как мой папа, то в скором времени мы бы не увидели наших заброшенных деревень и по-новому расцвела наша Россия!

Ульяна Фролова (г.Калуга, 9-й класс)

Богом данная

Есть на свете дивное место — Смоленщина. Тихое, проникнутое светлой печалью, видевшее войны и боль, слово, впитавшее в себя историю всей страны и каждого отдельного человека. Кажется, всего двести километров от Москвы — а жизнь совсем другая, люди другие.

Недалеко от Вязьмы расположена маленькая деревня Темкино. Именно здесь еще совсем недавно жила старица Макария. За свою жизнь она перенесла много ужасов и лишений, боли и предательства, страданий и несправедливости, но у нее была неиссякаемая вера, спасшая ее и спасающая теперь нас.

Старица родилась одиннадцатого июня тысяча девятьсот двадцать шестого года, в день Отдания Пасхи. Нарекли ее Феодосией — «Богом данной». В день крещения, крестной было видение, что крестить новорожденную нужно в церкви великомученика Георгия. Отец Василий, совершавший обряд, сказал, что девочка жить будет, а ходить — нет. Слова эти оказались пророческими.

Когда будущей старице было восемь лет, она заснула, а утром разбудить ее не смогли. Душа ее в это время пребывала в раю, и ангел-хранитель показывал ей райские цветы, сады и красные-красные яблоки. Ступив на райскую землю маленькой девочкой, она всю жизнь продолжала на ней незримо стоять. А не потому ли не могли ее ноги ходить по нашей грешной земле? Невозможно, коснувшись однажды трав в Царствии Божием, ступить на грязные и пыльные дороги мира сего.

Феодосии было пятнадцать, когда началась война. Какое же это страшное слово — война. Колкое, холодное, жесткое. Его произносят — и я словно наяву слышу плач, крики матерей, потерявших своих детей, вижу, как, прощаясь на вокзале, девушка сжимает руку своего любимого. Как же жутко провожать в никуда, не зная, увидишь ли ты еще когда-нибудь родное лицо. Война — это не политический ход, это сломанные судьбы, это энциклопедия мужества и настоящей любви. Миллионы людей. Миллионы разных трагедий. Одна из них — история Феодосии, которую бросили умирать в холодном доме самые близкие — мать и сестры. Вскоре она и вовсе оказалась на улице. Одна. Зимой, в одном только легком платьице. Так продолжалось два года.

Ей было пятнадцать лет, как мне сейчас. Я считаю себя сильной и стойко переносю жизненные трудности, но, случись со мной такое, я бы сдалась. У меня нет той огромной веры, которая помогала Феодосии непрестанно молиться и благодарить Бога. Есть снег, но верить, что благодать Божия не оставит ее. И ей явилась Дева Мария, пообещав, что не будет больше голодной и холодной жизни, а добрые люди заберут девочку в свой дом.

Спустя годы ее постригут в послушницы с именем Тихона, а еще позже она станет схимонахиней и примет имя Макария. И будут приезжать к ней многие и многие люди, прося помощи, совета и любви. Ведомо ли людям, какой ценой помогала им старица? А ведь все горести она забирали на себя.

Сильно болела матушка. Уже к двадцати годам у нее выпали все зубы, почки были простужены (это страшные военные зимы напоминали о себе). Как это странно — приходить со своими проблемами к человеку, которому в десять раз хуже, больнее и страшнее, чем тебе. Но люди шли. А она всех принимала, всем давала маслице и водичку с источника, которые исцеляли даже самых тяжелых больных. Матушка ведь не просто давала людям советы, она каждого сохраняла в своем сердце, за каждого переживала, как за самого родного человека. Она любила всех с невероятной самоотдачей, вся жизнь ее была в любви.

Юрий Гагарин часто приезжал к матушке. Как она говорила сама, приезжал не лечиться, не просить помощи, а помогать ей. Как же это просто, оказывается, как правильно, увидеть в Святой старенькую больную бабушку, которой очень надо помочь с пенсией и привезти врачей. Говорила матушка Юрию: «Не летай, нельзя тебе летать», — а он не послушал. Старица молилась о его душе всю оставшуюся жизнь.

Преставилась матушка двадцать четыре года назад, а люди к ней все идут и идут. Сядут на скамеечку у могилы и что-то шепчут. Часто — плачут. Мне всегда кажется, что матушка, вот она, рядом, стоит, по головке поглаживает и тихо говорит: «Не плачь, Господь поможет».

Семья моего отца родом из Темкино. Моя бабушка хорошо помнит матушку. Я, слушая ее рассказы, часто думаю о том, как же это удивительно — святой рядом. Когда я молюсь, мне кажется, что все Божие Угодники далеко, практически в другом мире, не могут они жить в одних городах, деревнях и селах с нами. А старицу вспоминаешь и думаешь — она рядом, совсем близко к моей семье, к папе, к бабушке, ко мне тоже, наверное. Словно этим сам Бог со мной говорит через нее. Я бываю в Темкино каждое лето. Прихожу на кладбище и долго сижу у могилки схимонахини, и смотрю на цветы

у ее могилки в лучах закатного солнца. Такая благодать накрывает, словно моя душа уходит в райские кущи и гуляет там вместе с матушкой. Пройдет совсем немного лет, и старицу причислят к лику Святых, еще больше паломников станет приезжать к ней, а в селе будет монастырь. Дай Бог.

Почему я пишу о ней, как о мученице? Была матушка ей в полной мере. В жизни своей она терпела горечи, но никогда не теряла веры, всегда зная, что Бог не оставит. И всю душу свою положила она на алтарь служения Господу и людям — всем и каждому. Всю жизнь ей было больно и тяжело, и это есть истинное мученичество, проявляющееся в каждой секунде жизни, в каждом вдохе.

Я католичка, никогда не чувствующая себя «своей» в православии, мне чужды византийская иконопись и церковнославянский язык, а Собор Святого Петра в Ватикане и Розарий — родны и понятны. Но навсегда в моем сердце останется трепетная любовь и нежность к этим смоленским краям, деревянному храму в нашем селе, к часовне у родника. И к матушке. А еще к людям, которые, живя рядом с ней, носят в своей душе частичку ее любви ко всему миру.

Святая Макария, моли Бога о нас!

Иветта Меликян (г.Кисловодск, 11-й класс)

Посвящается бабушкиной библиотеке

Вступление, где я объясняю фабулу происходящего

Мне было девять лет. Из окна бабушкиного деревянного дома, который сейчас в моих воспоминаниях похож на калейдоскоп морщинистых рук в серовой муке, неказистых кактусов, жуков, живущих под половицей, пузатых банок с булькающими помидорами, улыбок многочисленных родственников, чьи лица и имена я давно позабыла, был виден лес. Я очень любила этот дом, и он отвечал мне взаимностью, приоткрывая тайны домашней библиотеки, где было так много книг, и каждая была интересна мне, девятилетнему ребенку.

Тогда я жила в этом домике на окраине леса каждое лето, и каждое лето дарило мне что-то новое: будь то осознание, что ходить среди чащ и болот одной не совсем благоразумно, или же понимание того, как часто что-то важное человек узнает от случайной книги, странного происшествия, а порой того и другого вместе. Увы, но не существует на свете школьного предмета, который точно расскажет тебе, что на свете важно, а что не очень, почему в мире так много песен про любовь, но мало про серых влажноглазых лошадей, почему сегодня тебе грустно как никогда, а завтра ты будешь считать себя самым счастливым человеком на свете, отчего у тебя на завтрак есть каша и булка с чаем, а у других детей только вечное чувство голода. Все это можно лишь почувствовать, осознать благодаря хорошей книжке, помощи ближнему, мудрым словам учителя... Это все не входит в систему, не поддается чередованию и может настигнуть тебя даже на уроке алгебры. И все это кажется таким же сумбурным и интересным, как книжная полка в доме у моей бабушки. Поэтому все мои короткие истории, которые здесь описаны, совершенно не связаны друг с другом, но вместе они — синтез случая и прочитанной литературы. Вместе они что-то да значат, такой вот парадокс.

Христос Воскрес!

Я стояла на клиросе и слушала, как откуда-то из сердца хора доносятся чудные молитвы, сама же я пела плохо, но очень умело это скрывала. Для меня это была

особенная служба, ведь впервые за много лет мне удалось уговорить маму пойти на Всенощное Пасхальное Богослужение. И вот я стою в полумраке храма, смотрю на горящие свечи, прислушиваюсь к тишине и вспоминаю, как каждый год на Пасху лежала в своей кровати и плакала оттого, что, когда воскреснет Христос, я об этом не узнаю, а потом сама же себя упрекала, говоря, что в такой праздник плакать нельзя. Одним словом, мне было не до сна, а когда лежать становилось совсем невмоготу, я бежала к окну и распахивала его, как можно сильнее.

Каждая такая ночь была похожа на раннее утро, на небе неясными очертаниями горели белые звезды, а легкий ветерок щекотал мне нос. Было так беззвучно, что я слышала накаляющуюся в воздухе тишину, и когда она доходила до предела, то неизвестно откуда раздавался радостный колокольный звон, который своим «динь-ди-ри-дон» разгонял ночь, и я начинала очень неумело петь пасхальный тропарь. И этих глупых слез на моем лице уже не было видно, а вместо всепоглощающей жалости к себе я чувствовала небывалый покой.

Но вот я в храме, и из алтаря уже выносят хоругви. Все спешат к выходу, оставляя одиноко догорать свечи. После крестного хода, где даже я осмеливаюсь петь во все горло, люди снова возвращаются в храм и целуют друг друга, обнимают, и только и слышишь кругом, как эхо от эха: «Христос Воскресе!» — «Воистину Воскресе!». В это время я, от кончиков пальцев до самой макушки, — вся радость и счастье, и когда оглядываюсь по сторонам, то вижу многочисленные улыбки. Мне вдруг становится интересно, а улыбался ли Спаситель мира, радовался ли, был ли хоть раз весел? Ведь Священное Писание повествует нам, что Сыну Божьему было свойственно все людское, кроме греха. Как часто в молитвах звучит «Радуйся!». Если и улыбался Христос, то, пожалуй, это было похоже на саму Весну, на что-то очень светлое и искрящееся, на горную реку, которая переливается под лучами рыжего солнца, словно алмаз. Может, мы представляем Бога серьезным и хмурым только потому, что совершенно не даем Отцу Небесному повода для радости. Наверное, прав был Дмитрий Мережковский в своем стихотворении «Христос Воскрес — поют во храме..», когда писал:

Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, —
О лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: «Христос Воскрес»,
И нам ответят все народы:
«Христос воистину Воскрес!»

Но Пасхальная Литургия почти подходит к концу, и на улице, как будто стесняясь, восходит солнце. Всю оставшуюся службу я только и молилась, неумело, по-детски, сбиваясь и путаясь, но стараясь изо всех сил, молилась о Божьей радости за нас, все повторяя эти последние строки стихотворения Дмитрия Мережковского.

Одинокий человек

— «Если нет на Земле надежды, то все прах...» — Зинаида Гиппиус написала, стихотворение «Христу» называется, прочти... Был урок английского, и прежде чем мой собеседник ответил на этот трагический полушепот, мы услышали следующее:

— Коля! Это не Past Simple! Ты ничего не учишь, Коля! Если ты не объяснишь следующее предложение, я влеплю тебе двойку!

По какому-то странному стечению обстоятельств уроки выучили только два человека — моя соседка по парте Соня и я. И теперь на другом конце класса сидел полуживой Коля, безрезультатно пытающийся различить времена в предложении. Я подумала, что если бы рисовала картину по мотивам этого урока, назвала бы ее «Апофеоз Лени», мне стало стыдно за Колю, и я отвернулась своим постным лицом к моей подруге и сказала первое, что пришло в голову — процитировала стихотворение.

Она оценивающе глянула на меня и с жутко умным видом, не предвещающим ничего хорошего, произнесла:

- У тебя экзистенциальный кризис.
- Все, Коля! Два!
- Глупости, мне всего шестнадцать...
- А можно исправить, Анна Владимировна?
- Ну так самое время...
- Поздно!

Ответ Сони мне пришлось переспрашивать. Когда «экзакуция» над Николаем прекратилась, мы все-таки пришли к выводу, что никакого кризиса у меня нет. Тем временем очередь отвечать дошла до следующего человека, а в это время мы с Соней единогласно решили, что в нашем мире Кого-то явно не хватает...

Но вот уроки закончились, и я пришла домой, но мысль о человеческой неполноценности не давала мне покоя. За ответом на мучавший меня вопрос я обратилась к Евангелию, а именно к самому напряженному моменту — Распятию Иисуса Христа. Читая, я обратила внимание на слова, которые произнес Сын Человеческий на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Святые отцы пишут, что в этот момент Господь говорил от лица всего человечества. Человечества покинутого, одинокого, беспомощного, похожего на ребенка, потерявшегося в супермаркете, которому все окружающее непонятно и все пугает и единственное, чего он хочет, — вернуться обратно к своему отцу. Но как только ребенок начнет свой путь, он обязательно станет отвлекаться на цветные витрины с игрушками и блестящими фантиками конфет, рискуя заблудиться еще больше. Думая об этом, мне на ум приходит поразившее меня когда-то произведение Константина Бальмонта «Звезда пустыни».

О, Господи, молю Тебя, приди!
Уж тридцать лет в пустыне я блуждаю,
Уж тридцать лет ношу огонь в груди,
Уж тридцать лет Тебя я ожидаю.
О, Господи, молю Тебя, приди!
Мне разум говорит, что нет Тебя,
Но слепо я безумным сердцем верю,
И падаю, и мучаюсь, любя.
Ты видишь, я душой не лицемерю,
Хоть разум мне кричит, что нет Тебя!..

Это чувство неясного одиночества, чувство, что все вокруг бессмысленно, хоть раз в жизни посещало каждого человека. Как бы наивно это ни звучало, но мне думается, что людям очень не хватает Бога. И если кто-то скажет, что Его нет, я не буду вдаваться в споры, а спрошу лишь: «Тогда откуда в нашем несовершенном мире мы узнали об Идеале и почему так отчаянно к нему стремимся?»

«Пусть берут меня злые руки, только научи, что будет после»

Люблю рисовать. Черточка неровная, можно стереть и нарисовать новую, прямее, если и она не получилась, постараться заново. А вдруг след останется? Не беда, нарисую что-то поверх. Учительница вообще говорит, что «стеркой можно рисовать».

— Рисование как наша жизнь, — думаю я, пока мои глаза и правая рука работают над натюрмортом. — А люди только и делают, что рисуют стеркой, подтирают свои ошибки и чертят свои новые поступки. В этом деле главное — не отчаиваться, ведь любую картину можно исправить, как и любую жизнь. Самым ярким примером надежды, причем надежды, по меркам современного человека, какой-то безумной, непонятной простым обывателям, может служить история о покаявшемся на кресте разбойнике. Когда, казалось бы, уже нет другого выхода, как, страдая, распрощаться со своей плохо прожитой жизнью.

Что касается меня, я стараюсь искренне верить, что любой конец — это новое

начало, а поэтому не стоит опускать руки даже в самых безвыходных ситуациях. Относительно недавно, в 2004 году, скончался поэт Сергей Аверинцев, чей «Стих о Благоразумном разбойнике» при каждом прочтении восхищает меня своей глубиной. Произведение написано белым стихом, и эта безрифменность удивительным образом приводит к простоте и возвышенности слов. При каждом прочтении меня будто бы переносит в те далекие времена, где разбойник, возможно, вспоминает «песнь песней соломоновых», и всеми силами, израненный, в крови и поту, в предсмертной агонии, стремится к покаянию, и для этого он пронзающим сердце голосом просит «вразумить, что будет после». Эти слова исходят из глубины души, которая только на кресте смогла взять вверх над грешной плотью:

ибо любовь крепче смерти —
пусть удары проникают в недра,
только вразуми, что будет после —
и ревность глубже преисподней,
пусть в муке мешается разум,
только не забыть, что будет после —
положи меня, как печать на сердце...

Эпиграф, где я читаю стихи винограду

На часах почти полночь, и капилляры в моих глазах лопаются чуть ли не с треском. Мой стол заставлен разнообразными книжками, в основном маленькими библиотечными томками поэзии, не люблю отдавать книги обратно, всегда кажется, что я расстаюсь со своими друзьями. Еще я отчего-то улыбаюсь, и мой кот, сверкая глазами, смотрит с укоризной. Ну и пусть. Смотрю на написанное и думаю: «Кажется, что просто слова, а на самом деле — часть меня». Уж не знаю, что меня ждет в будущем, но мне приятно оглядываться назад и понимать, что за прожитое мной время, я успела многое узнать и многое почувствовать. Приятно смотреть назад и сравнивать мои старые работы и, улыбаясь, замечать, что в этот раз намного лучше. Люблю соревноваться с прошлой собой. Но одно из моих главных пониманий за мою короткую жизнь заключается в ценности книг и знаний, помогающих за отведенное на Земле время понять и осознать самое главное. И пусть будущее скрыто от меня занавесом, я надеюсь и верю, что в моей жизни всегда будет место Богу, хорошим книжкам и слушающим, как я читаю стихи, гроздьям винограда.

Дети гор

Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

Мф (5:48)

Раз уж автор я, и могу делать, что хочу, то давайте представим, что вы, мой дорогой читатель, пришли в совершенно пустой кинозал, и сейчас на экране вам покажут все, о чем я думаю. Пока идут скучные титры, которые, к сожалению, никто не смотрит, спешу поделиться, что писатель я никудышный, но по злему року судьбы не могу иначе. Пишу, и все тут. Обычно в моем тексте одна мысль дает пинок другой, та падает, но через некоторое время приходит в себя и бежит опередить другую мысль... О! Титры закончились. Но что ж, устраивайтесь поудобнее...

Родилась я в очень странном месте. Вот оно: маленький городишко, а вокруг горы. Так что свой рассказ я начну с гор. Во всем мире «все дороги ведут в Рим», а у нас к одетым в вязаные шапки горам, которые баюкали нас в детстве, укрывали от дождя и защищали от холодных ветров. У этих гигантов добродушная улыбка, но самое главное — они заставляют человека стремиться туда, где чище воздух и все видно ясно, заставляют стремиться к лучшему. Горы как будто говорят: «Эй, почему ты еще здесь, внизу? Иди ко мне, и я покажу тебе скрытое». В горах хорошо молиться, пока дойдешь

до вершины, твоя плоть прismsиреет и все мысли будут стремиться к Смыслу. Самое главное — дойти, преодолевая боль, усталость, жару или холод. Горы собирают вокруг себя множество разных людей. К примеру, если вдруг вы захотите прийти ко мне в гости, я первым делом приглашу вас на балкон (там круглый год стоит запах цветов и светит солнце). Из окна вы увидите большой золото-янтарный собор, а через пятьдесят метров такую же большую мечеть. Для кого-то это выглядит дико, кого-то возмущает. Далее я могла бы написать о том, какие мы у себя на Кавказе дружные и как сильно друг друга любим. Я бы с огромным удовольствием написала бы об этом. Но, увы, наши взаимоотношения можно назвать «терпение и уважение». Любовью тут и не пахнет. В детстве я очень хорошо дружила с девочкой-мусульманкой. Мы, как и все обыкновенные дети, играли в прятки, бегали друг за другом и пытались съесть землю. Однажды, уже не помню с чего, мы заговорили о Боге. Она спросила меня: «Как вы молитесь?», а я, почесав затылок, принялась долго и сбивчиво читать все известные мне молитвы, вскоре перейдя на тему «Кто такой Христос и почему Он Бог» (если бы нас услышал какой-нибудь богослов, он бы очень долго и мучительно смеялся). После моей тирады пришла ее очередь потрясать меня своей духовностью. Но это не произошло, она просто сказала мне: «Аллах говорит, что когда придет пророк Иса, он накажет вас за то, что вы носите на себе крест». Поначалу я очень обиделась, но уже через пару минут мы, как ни в чем не бывало, пошли собирать слизняков и рвать у пауков лапки. Но ее слова я не забыла, они не мучали меня, просто я их всегда помнила. Сейчас, когда кто-то в очередной раз говорит о жестокости мусульман, о всех терактах и ужасах нашего века, я говорю себе: «Их бог мне незнаком, поэтому я не могу их судить. Но я знаю Бога христиан. Он кроток, смиренен и не делит людей на самарян и иудеев. Буду поступать, как мой Бог».

Но наш городок не делится исключительно на мусульман и христиан. Сейчас я постараюсь собрать в одного человека всех, кого я видела, кто что-то во мне оставил. Все эти люди связаны лишь тем, что стремятся «быть совершенными, как совершенен Отец их Небесный». Итак, человек этот невысокого физического, но высокого морального роста. Доказать это легко: когда все хохочут над фильмом Чарли Чаплина, он плачет даже не лошадиными, а китовыми слезами. Объясняет это так: «Почему им смешно от того, что другой падает?» Он работает кондуктором в трамвае, щуплый, сухой. Лицо похоже на рекламный баннер на остановке, куда клеят объявления, потом сдирают, клеят новые, и так до бесконечности. Потрепанным такое лицо не назовешь, разве что таким лицом, которое знает все, что можно купить, продать, найти, потерять, написать черным маркером. Лицом, которое невозможно удивить, растрогать. Но в то же время, если в трамвай зайдет цыганский мальчик и начнет просить денег, он единственный не прогонит его, а отдаст все, что у него есть, внесет свою лепту. Этот человек дожил до седины, но это не мешает ему искренне радоваться и краснеть до бледности, если он вдруг незаслуженно кого-то обидел. Иногда этот человек пишет стихи, хотя совсем не умеет, но слова льются из него невысказанной, грустной песней. Он знает наизусть список своих недостатков и мучается оттого, что привык к ним. Последний стих этого человека вот такой:

Я не люблю себя за черно-графитное моё сердце,
Где Сыну Божию совсем мало места,
Где пыльно и душно, где заела дверца,
Там на коробке коробка, и даже мне тесно.
Моё сердце — сомнений энциклопедия,
Начиная с «А», затем по порядку.
Боже... Если б Ты знал, какая это трагедия,
Делиться этим с тетрадкой,
А не с Тобой.

Ну вот, фильм подошел к концу. Знаете, что было написано в титрах? Не знаете? Я вам перескажу. Там говорилось о том, что каждый человек стремится быть ближе к Богу, даже если он неверующий. Каждый из нас — потерянный ребенок Горного мира. И каждый из нас, даже если не знает об этом, хочет следовать словам: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный».